

Введение

Сэр Уинстон Леонард Спенсер Черчилль был настоящей звездой, к которой ежесекундно приковано множество взглядов. Его долгий жизненный путь — неизменно напряженный и необычайно насыщенный — можно, по сути, назвать ярким выступлением длиной в жизнь. Это утверждение лишено критики. С момента становления Черчилля как личности на рубеже веков среди марева сражений Британской империи и в промозглых окопах Первой мировой и до периода его вдохновляющего лидерства в годы Второй мировой войны и выдающихся литературных трудов (некоторые отмечены Нобелевской премией) мы имеем дело с человеком, который сам тщательно и осознанно выстраивал нарратив собственной жизни.

На каждом шагу он останавливался проверить, смотрят ли на него. И если наблюдателей было мало, целенаправленно трудился над тем, чтобы привлечь к себе больше внимания.

Нельзя сказать, что это плохо. Во времена самого беспроблемного уныния звездный блеск его красноречия и его бычье добродушие становились прививкой оптимизма для нации, давали людям надежду и глубочайшую уверенность, что зло нацизма будет побеждено.

Черчилль буквально вплетал себя в полотно истории, погружаясь с головой в ее изучение. История определяла контекст его понимания мира с извечными циклами жизни, смерти и войны. Будучи заядлым читателем, Черчилль еще юношей открыл для себя фундаментальные труды историков XVIII–XIX веков Эдварда Гиббона и Томаса Бабингтона Маколея. В двадцать лет он «проглотил» и «триумфально

преодолею» «Историю упадка и разрушения Римской империи»*, а в двадцать два — двенадцатитомник «Истории Англии» Маколея, хоть и был удивлен маколеевской трактовкой собственного знаменитого предка — герцога Мальборо. Свой мощный писательский талант Черчилль использовал, чтобы оставить потомкам всестороннее, с детальной точностью описание войны, через которую он сам провел нацию. В собственных глазах Черчилль был — как сказал бы его знакомый Альберт Эйнштейн — точкой сингулярности.

Определение «звезда» отнюдь не говорит о пустоте и поверхностности. Черчилль был человеком во всех человеческих проявлениях: его безмерная энергия, тщеславие и остроумие соседствовали с острейшей чувствительностью к романтике и утратам. Его несдержанность — особенно по отношению к другим культурам — шокировала окружающих. При этом он мог до слез растрогаться от малобюджетного черно-белого фильма. Он плакал не скрываясь и очень часто.

Как уместить столь масштабную и всеобъемлющую жизнь, прожитую на таком высоком уровне интенсивности и публичности, в одну короткую книгу? Прежде всего — показав ее глазами других людей. Рассказы тех, с кем Черчилль встречался на протяжении девяти десятков лет своей жизни, складываются в поистине потрясающий спектр мнений и впечатлений. Одни смотрели на него с обожанием, другие восторгались его заботливостью, третьи были не так однозначны в своей оценке, у четвертых он вызывал отвращение. Это не зависело от того, были ли это мировые знаменитости или обычные люди. Каждая встреча с Черчиллем — от школьных друзей Викторианской эпохи до боевых товарищей; от королей (и королевы) Великобритании до фабричных рабочих; от президентов США

---

* Издана на русском языке: Гиббон Э. История упадка и разрушения Римской империи. Комплект из 7-ми томов. М. : Академический проспект, 2023. *Здесь и далее, если не указано иное, примечания редактора.*

до деятелей шоу-бизнеса 1960-х — раскрывает, как мимоlet-ное отражение в зеркале, определенную черту характера Черчилля и какую-то грань личности его собеседника.

Полезно взглянуть не только на известнейшие исторические, поворотные моменты, но и на встречи и поведение Черчилля в обычных, повседневных обстоятельствах: на моменты, которые сформировали его как личность. Например, его желание выделиться, привлечь к себе внимание порой кажется эксцентричным. Можно сказать, он специально продумывал свой внешний вид: обожал носить на отдыхе необычно широкополые шляпы или ходил по городу в котелке с острым кантом. В начале 1900-х газеты писали, что одна из его шляп выглядела настолько необычно и так поразила политических оппонентов на встрече в Манчестере, что впоследствии городских шляпников буквально завалили заказами на ту же модель. Он носил пальто с роскошным каракулевым воротником. По словам современников, Черчилля пришлось отговаривать от идеи разработки собственной военной формы. Он создал уникальную модель комбинезона, которую можно было быстро снять или надеть, — «костюм-сирена». Изделие, которое он придумал для собственного комфорта, неожиданно приобрело большую популярность: комбинезон надевали взрослые и дети, отправляясь в убежище, когда сирены объявляли о воздушном налете*. Чаше всего такие комбинезоны были цвета хаки, иногда их шили из зеленого вельвета. В домашней обстановке Черчилль предпочитал просторные халаты из шелка с восточными узорами цвета насыщенного изумруда и рубина. Многих, кто встречал его в таком виде, этот наряд завораживал.

Имидж — и его культивирование — имел для Черчилля огромное значение. Он не просто произносил речи,

---

* Бомбардировка Великобритании авиацией гитлеровской Германии в период с 7 сентября 1940 по 10 мая 1941 года получила название «Блиц». Помимо Лондона бомбардировке подверглись и другие важные военные и промышленные центры Британии.

впоследствии он делал их повторные аудиозаписи. Свою самую известную речь, после эвакуации английских и союзных войск из Дюнкерка — «Мы будем сражаться на пляжах», — он произнес перед палатой общин 4 июня 1940 года. Через четыре года после окончания войны, в 1949 году, Черчилль повторил ее: на это раз, чтобы записать и сохранить для потомков. Первостепенная задача этого заключалась в том, чтобы будущие поколения отчетливо понимали, как он определял ход тех исторических событий. Черчилль не собирався оставлять это на волю случая.

Черчилля, родившегося в 1874 году, на закате Викторианской эпохи, и дожившего до 1965 года, когда свой суперзвездный статус получили Rolling Stones, в определенном смысле можно считать настоящим пионером модернизма.

Черчилль был тем редким политиком, которого обыватели легко могли представить сидящим в пабе рядом с ними. Именно поэтому люди считали, будто знают его характер. Даже сейчас существует краткий набор знаков — темные времена, жест «Виктория» (V), рычащий тон, короткие резкие возражения, — который якобы передает его суть. Однако повторим: люди, которые действительно его знали, видели и другие его качества.

Во многих современных публикациях — основанных на мемуарах, дневниках и письмах — отражены первые впечатления людей от Черчилля и его экстраординарность. В них мы видим порой неожиданно глубокую неуверенность Черчилля в себе; периодические вспышки ярости, подпитываемые алкоголем; ярчайшие проявления любви, верности и острейшего интеллектуального любопытства. Встречаются проблески откровенного расизма, но в других случаях сталкиваешься с проявлениями искреннего человеческого сострадания.

Помимо всего сказанного, на определенном этапе жизни Черчилль — уже всемирно знаменитый и могущественный — сам стал чем-то вроде зеркала, в котором коллеги и друзья,

а также другие лидеры и знаменитости, думая, что смотрят на его невроты и тщеславие, на самом деле видели себя.

Его модернистская эгоцентричность не делала его нарциссом. Скорее, она была связана с ощущением истории и роли личности в ней. Сама по себе она не определяла его как плохого или хорошего человека. Он мог быть и тем, и другим; иногда одновременно. Суть была в решимости взять в руки кормило истории, во благо или во зло.

После смерти Черчилля в 1965 году его историческая репутация периодически менялась в зависимости от политических тенденций. Сегодня, когда молодое поколение фокусируется на новых исследовательских ракурсах, мы все больше слышим о Черчилле как неисправимом и убежденном империалисте, непримиримом расисте и приверженце евгеники, который открыто высказывался о превосходстве белых англосаксов над всеми другими расами.

Что ж, мы всегда знали, что и это тоже о Черчилле. Такова уж наша современная, скрупулезно задокументированная жизнь — и наш новый мир оцифрованных архивов, — где определенные, сложные для однозначной трактовки моменты можно выделять из контекста, увеличивать громкость, придавать акцент, словно мы за пультом звукорежиссера.

В современном мире некоторые видят в Черчилле злобного динозавра, мечтавшего любой ценой сохранить Британскую империю и искренне верившего, что только он — и люди его круга — наделены способностью эффективно править отдаленными регионами земного шара. Это адаптация предыдущей версии, популярной во всем мире в 1980-х годах. Тогда его считали безответственным кровавым поджигателем войны, отдавшим приказ о воздушной бомбардировке незащитного гражданского населения. Человеком, который — увидев весь ужас последствий атомного удара по Японии — задавался вопросом, не стоит ли проделывать то же самое с территорией за «железным занавесом», идеологом которого он сам и был.

На самом деле, чтобы увидеть более созидательного Черчилля — «мощного старика... с его знаменитой бульдожьей усмешкой и неизменной огромной сигарой», как пел острый на язык мюзик-холльный комик Макс Миллер*, — нам нужно погрузиться во времена Второй мировой войны и в начало 1950-х, когда он вернулся во власть в качестве премьер-министра.

Однако до войны он действительно «прославился» среди крупных рабочих сообществ как бессердечный аристократ, недрогнувшей рукой посылавший войска для устрашения забастовщиков. В довоенный период решения и действия Черчилля в Тонипанди** в 1910 году и во время Всеобщей стачки*** в 1926-м сделали его олицетворением черствости тори.

Таким образом, несмотря на все заявления, что Черчилль десятилетиями был объектом нездорового поклонения, следует напомнить, что всегда существовала и противоположная точка зрения. И, как любой другой сложный, замысловатый узор жизни, все эти разные грани, как мы увидим, точны и абсолютно правомерны.

---

* Томас Генри Сарджент (1894–1963), известный под сценическим псевдонимом Макс Миллер, считается величайшим британским комиком своего поколения. Был популярен благодаря своим ярким костюмам, злому обаянию и рискованным шуткам, часто приводившим к проблемам с цензорами.

** В ноябре 1910 года в городе Тонипанди на юге Уэльса возник трудовой конфликт между шахтерами и владельцами шахт, вылившийся в стачки. После столкновений бастующих с местной полицией Черчилль, занимавший на тот момент пост министра внутренних дел, направил в Тонипанди войска.

*** Всеобщая стачка — всеобщая забастовка, произошедшая в Великобритании в 1926 году и длившаяся десять дней — с 4 по 13 мая; крупнейшая забастовка в истории британского рабочего движения, вызванная кризисом в угольной промышленности.

Увертюра

4 августа 1914 года — когда погас свет* [1]

«Уинстон полон гнилого тщеславия, — писала о Черчилле Марго Асквит. — Он бы уже от него умер, если бы не его крепкое здоровье».

Марго была супругой премьер-министра Герберта Генри Асквита. И наблюдала за Черчиллем холодным, неприязненным взглядом: по ее мнению, он был совершенно непоколебительно наэлектризован возбуждением из-за надвигающейся войны. Это впечатление, которое разделяли многие другие, будет определять отношение к Черчиллю годы и десятилетия.

Между тем более чем возможно, что миссис Асквит, считая его высокомерным и тщеславным, в корне заблуждалась в своем отвращении. В 1914 году Черчилль лучше, чем многие, осознавал, ужасы какого масштаба ожидают мир. Он отнюдь не был беспечным.

В юности, на закате XIX века, Черчилль изучал искусство разрешения конфликтов, будучи курсантом Королевского военного училища в Сандхерсте**. К тому времени уже было очевидно, что эпоха великих войн с ее щегольскими мундирами, сверкающими саблями и прекрасными боевыми скакунами канула в Лету. Более того, всем казалось, что грядет новая эпоха — эпоха мира. Черчилль и его однокашник, еще один подросток, учившийся в Сандхерсте в 1893 году,

---

* Аллюзия на фразу: «Во всей Европе гаснет свет, и при жизни мы не увидим, как он зажжется вновь» — министра иностранных дел Великобритании Эдварда Грея накануне вступления Великобритании в Первую мировую войну.

** Одно из самых престижных военных училищ Великобритании.

задавались вопросом: разве возможна вообще новая война в Европе?

«В ту пору было откровенно жаль, что этот вопрос носил умозрительный характер, — однажды написал Черчилль о периоде своего военного обучения, — и что эпоха войн между цивилизованными нациями ушла навсегда. Живи мы всего сотней лет ранее, какое чудесное будущее ждало бы нас! Только представьте, что значило быть девятнадцатилетним в 1793 году, накануне более чем двадцатилетней войны против Наполеона! Однако теперь с этим покончено. Британская армия не открывала огонь по войскам белой расы со времен Крыма (1853–1856), и теперь, когда мир стал столь благоразумным и миролюбивым — да еще и столь демократичным, — великие дни миновали».

Безусловно, эта смесь явной иронии и вполне искреннего романтизма, высказанная много лет спустя, довольно легкомысленна, но все равно в ней слышится — и подчеркивается — предощущение Черчиллем грядущей тьмы.

4 августа 1914 года война обрела новый статус. После вторжения Германии в Бельгию весь континент жил с максимально скверными предчувствиями. «Роллс-ройс» Министерства иностранных дел остановился у посольства Германии, а в Берлине неуправляемая толпа швыряла булыжники и кирпичи в окна британского посольства. Страны предъявили друг другу ультиматумы, а Черчилль — на тот момент первый лорд Адмиралтейства, отвечавший за Королевский флот, — без более широких консультаций подготовил перебазировку флотилии британских военных кораблей в Скапа-Флоу на Оркнейских островах.

Поздним вечером, когда часы с каждым очередным боем приближали мир к войне, Марго Асквит находилась на Даунинг-стрит вместе со своими домочадцами. Прошел день, полный телеграмм и страха. Марго, ее муж и все собравшиеся в здании ожидали начала войны.

Если не считать далеких приглушенных гудков и перезвона пароходных колоколов, доносившихся с Темзы, тишину того вечера нарушало только периодическое железное бряцание Биг-Бена. В ту ночь их ожидание приобрело поистине ужасающую серьезность. Марго Асквит не могла не описать этот момент в своих мемуарах:

«Часы на каминной полке отбили очередной час. Я зашла взглянуть на детей, которые уже спали после ужина, а потом присоединилась к Генри в Кабинете министров. Лорд Крю и сэр Эдвард Грей уже были там, мы сидели в полной тишине и курили сигареты; кто-то выходил; кто-то входил; никто не произносил ни слова.

Часы на каминной полке отсчитали новый час, и, когда пробил последний удар полуночи, воцарилась полнейшая тишина, какая бывает перед рассветом.

Мы вступили в войну.

Я отправилась спать и, замешкавшись у основания лестницы, увидела Уинстона Черчилля, который с совершенно счастливым выражением лица бодро шагал к двойным дверям Кабинета».

Всего несколько месяцев спустя, когда ужасающая реальность войны была уже очевидной, Марго Асквит и Черчилль сидели рядом за ужином. «Боже мой, это же живая история! — воскликнул он, обращаясь к соседке. — Об этом будут читать и через тысячу поколений... Я бы ни за что на свете не отказался от этой великой, восхитительной войны!» Но потом он добавил: «Только, знаете, не говорите никому, что я назвал ее “восхитительной”... вы же понимаете, что я имею в виду». Она решительно не понимала.

Он тогда и правда не слишком удачно выразился. Возможно, после месяцев и даже лет дурных предчувствий уверенность в уже разразившемся конфликте зарядила

его чрезмерным адреналином. Очевидно, как лесные звери инстинктивно чувствуют мощные силы, сталкивающиеся глубоко под землей и сотрясающие ее, и становятся беспокойными и возбужденными, Черчилль некоторое время ощущал геополитический тремор по всей Европе.

В 1912 году он в письме предупреждал кузена: чтобы спровоцировать ужасный конфликт между великими державами, «достаточно лишь легкой недоброжелательности или недобросовестности». И вот 28 июня 1914 года этот тектонический сдвиг наконец произошел. В тот день в Сараеве были хладнокровно застрелены эрцгерцог Франц Фердинанд и его супруга.

Черчилль относился к тем, кто с увлеченностью наблюдал, как великие державы занимают свои позиции: Австро-Венгрия против Сербии, Германия с Австро-Венгрией, Россия с Сербией. Что касается Британии, за несколько лет до этого неуклонно растущая мощь Германии породила в стране волну параноидальной популярной беллетристики, в частности шпионских триллеров Уильяма Ле Кё. В них обычно рассказывалось, как в британские деревни и небольшие городки проникают злобные прусские агенты, чтобы, устраивая там диверсии, загнать британцев в хаос. Правление кайзера изображалось как уникальное по своей жестокости намерение захватить власть и земли с помощью разных подлых уловок и психопатического насилия.

В реальной жизни эти страхи были сфокусированы в основном на целях Германии в отношении Франции. В Британии же были те, кто рекомендовал сохранять нейтралитет. А поскольку Черчилль в их число явно не входил, некоторые даже в те времена считали его кровожадным поджигателем войны.

Черчилль признавался жене Клементине в письме от 28 июля 1914 года: «Все движется к катастрофе и краху.

Я же полон воодушевления, в отличном настроении и счастлив. Разве это не ужасно — так себя чувствовать? Подготовка к войне наполнена для меня каким-то отвратительным очарованием. Я молю Бога простить меня за такое пугающее легкомыслие. Но я сделал бы ради мира все, что в моих силах, и ничто не заставило бы меня ошибочно нанести удар: я не чувствую, что мы на своем острове действительно ответственны за эту волну безумия, захватившую умы христианского мира...»

Что касается непонятого, ужасающего ликования, то смущенное признание Черчилля интересным образом перекликается со словами другого писателя — полной его противоположностью. Стефан Цвейг — австрийский литератор, проповедник мира, в определенном смысле самый наглядный пример тонкой душевной организации всех европейцев. По мере того как страны одна за другой объявляли друг другу войну, Цвейг, не веря своим глазам, наблюдал, как его друзья в Бельгии начинают демонизировать немцев. В Вене он видел «безудержное опьянение, в котором алкоголь смешивался с радостью самопожертвования, жадой приключений... древней магией транспарантов и патриотических речей... Признаюсь, при первом массовом проявлении подобных чувств в них и правда было что-то прекрасное, вдохновляющее, даже соблазнительное».

В этом смысле ожидание войны, носящееся в воздухе, ощущается еще острее, словно дыхание революции. Грядут перемены; предчувствуя это, невозможно не испытывать волнения и возбуждения.

Находясь в Англии, как некоторым могло показаться, на периферии грядущих потрясений, Черчилль не мог скрыть эту нервную, неистовую энергию. Так в нем проявлялся империалист, который уже воевал в Индии и Африке и у которого, судя по всему, сохранились юношеское рвение

и жажда конфликта. Его максимальная бдительность, готовность к действиям и очевидный энтузиазм, должно быть, смотрелись вульгарным контрастом мрачному видению министра иностранных дел сэра Эдварда Грея, который считал, что «во всей Европе гаснет свет».

В последующие годы многие другие люди — коллеги, враги, друзья — считали «счастливое лицо» Черчилля, как его описала миссис Асквит, свидетельством воинственности этого человека. Но были и другие, кто видел реальность более тонко, среди них — Клемент Эттли, оппонент Черчилля и лидер Лейбористской партии, а затем заместитель премьер-министра в коалиционном правительстве во время Второй мировой войны. Кроме того, было много женщин, которым Черчилль время от времени демонстрировал свою более уязвимую сторону. Марго Асквит считала, что обнаружила в нем сломанный моральный компас. Однако это, конечно, не так: на самом деле Черчилль выучил суровые уроки жизни, смерти и потерь еще в детстве.